

Елка

В лесу росла маленькая, хорошенькая елочка. Стояла она на прелестном месте. Кругом её росло много товарищей: маленьких елей и сосен. Солнце грело ее, воздуху было там вдоволь. Глядя на больших, ей очень хотелось-бы вырасти, чтобы поравняться с ними.

Она с нежностью слушала болтовню крестьянских детей, собиравших землянику и чернику. Не раз случалось, что они, набрав полную лукошку черники и земляники, садились у маленькой елочки для отдыха и низали ягоды на соломинки.

Раз как-то, кружась около неё, они заметили ее: — «Ах, какая хорошенькая, маленькая елочка!» — вскричали дети. Елка чуть не заплакала смолистыми слезами от слова «маленькая»: ей хотелось быть большой.

На следующий год деревцо выросло на одно колено; там чрез год, еще на одно; — по числу колен всегда можно узнать, сколько дереву лет.

— «О, Создатель, если бы я была таким же большим деревом, как другие! — думала елка, вздыхая, я бы протянула свои ветки далеко кругом себя, а вершиной выглядывала бы на широкий свет. Птицы свивали бы гнезда на моих ветках, а от ветра я бы также важно кивала головою, как те высокие ели!»

Так жаловалась елка. Ее не радовали ни солнечный свет, ни птички, ни розовые облака, которые утром и вечером тянулись по небу.

Настала зима. Кругом, насколько она могла видеть, всё было покрыто сверкающим, белым снегом. Пробегал иногда зайчик и каждый раз, как будто нарочно, перепрыгивал через маленькое деревцо. О, как ей было досадно, что такой трусливый зверек прыгал через нее! Но прошли две зимы; в третью елка стала такая большая, что зайчик должен был обходить кругом.

— «Ах! как-бы поскорее вырасти, — думала елка, — и сделаться большим деревом; ведь лучше этого ничего нет на свете».

Зимою приезжали дровосеки и срубали некоторые большие деревья. Они приезжали каждый год, а молодая елка, которая уже так выросла, что понимала беду, всякий раз содрогалась при виде, как большие, прекрасные деревья с шумом и треском падали на землю; люди обрубали у них ветви, и прямые деревья во всю свою длину лежали обнаженными, так что их нельзя было узнать. Потом их клали на роспуски и лошади увозили их из лесу.

Раннею весною, когда прилетели аисты и ласточки, елка их спросила, не знают ли они, куда повезли эти деревья?.. что с ними будет?

Ласточки ничего не знали, но аист задумался на минуту, кивнул головою, захлопал длинным своим носом и отвечал елке: «Да, я знаю. Я встретил много кораблей, когда летел сюда из Египта; на кораблях этих были длинные величественные мачты; судя по запаху, это были сосны».

— «Ах, как я желаю быть большою! Я бы поехала также через море. Расскажите мне, пожалуйста, что же это такое море, и каково оно на вид?»

— «Слишком долго об этом рассказывать» — сказал аист, и полетел прочь.

— «Радуйся своей молодости, свежести и росту!» — говорили ей солнечные лучи, и ветер поцеловал деревцо; слезы росы тихо закапали на нее, но она не поняла этого.

Перед праздником Рождества приехали люди и срубили множество молодых елок, которые были моложе или одинакового роста с нашей елкой; она не знала ни покоя, ни отдыха, а только и думала о том, как-бы ей выбраться из лесу. Но на этот раз были срублены самые хорошенькие елочки. Веток их не трогали, а осторожно уложили на возы, и увезли из лесу.

— «Ах, куда-же это их увезли?» — спрашивала елка. — Ведь они не больше меня; одна была даже несравненно моложе? И почему у них не обрубili веток?"

— «Мы знаем куда, мы знаем!» — чвирк, чвирк!« — зачирикали воробьи: „Их увезли в город, их там ожидает такое великолепие, что рассказать трудно. Мы видели через окна: они стояли в теплых комнатах, увешанные яблоками, пряниками, игрушками, золотыми орехами и сотнями зажженных свечей!“

— „Ну, а потом?“ — спросила елка и затрепетала всеми ветками, — а потом, что с ними сделали?»

— «Потом, потом... мы ничего не видали, но это было отлично! "

— «Ах, хоть бы скорее пришло Рождество! может быть и меня постигла бы такая же блестящая участь, — лепетала елка. — Это было бы лучше чем ездить по морям. Теперь я такая же большая и прямая, как те елки, что были увезены из лесу в прошлом году. Ах, как-бы я желала быть на возу, и уехать в город: там бы меня тоже поставили в теплой комнате во всем блеске и великолепии! А потом?.. потом, верно будет еще лучше, — иначе зачем бы стали люди так украшать меня? А там впереди, наверно, что-нибудь еще

гораздо лучше! Какое мучение стоять здесь!.. нет конца томлению!.. сама не знаю, что со мною делается?».

— «Наслаждайся нами! — сказали ей воздух и солнечный свет; — радуйся своей свежей молодости и свободе!» Но елка не радовалась, росла и росла; зиму и лето стояла она зеленая: видевшие ее люди восхищались ею, и говорили: «Прекрасное деревцо! Кому-то достанется оно на Рождество?»

Наконец настало роковое для елки Рождество. Ее первую срубили. Топор глубоко врезался в самую сердцевину. Со стоном упала елка на землю, она в первый раз почувствовала такую страшную боль и бессилие, что была не в состоянии думать о счастье ее, ожидающем; ей было грустно расставаться с родиной, с тем местом, где она выросла; она, знала, что никогда более не увидит ни своих товарищей, ни маленьких кустов и цветов, которые росли кругом её, ни даже зайчика, который так весело прыгал через нее, ни маленьких птичек, которые часто садились на её ветках.

Но елка опять пришла в себя, когда ее привезли с прочими деревьями на большой двор, где она слышала, как человек, увидевший ее, сказал: «Вот елочка, так елочка! дивное, превосходное деревцо попало, нам такое и нужно!» Он схватил ее поспешно с возу и внес в большую, прекрасную залу, по стенам которой висели дорогие картины; около пылающего камина, в больших китайских вазах, возвышались искусственные пальмы; тут были и качающиеся стулья, шелком обитые диваны, большие столы со множеством игрушек и книжек с картинками, стоящих сотни-сотен талеров, — так, по крайней мере, говорили дети.

Елку поставили в ящик наполненный песком, но никто не узнал бы, что это такое; ящик обили зеленым сукном и поставили на большой пестрый ковер. Елка трепетала от радости! «Что-то будет!» — думала она. Между тем люди принялись украшать ее. На одни ветки они повесили вырезанные из разноцветной бумаги сеточки с конфетками, а вызолоченные орехи и яблоки как будто выросли на ней. По веткам наклеили более сотни красных, белых и голубых свечей. Куклы, чрезвычайно похожие на людей — каких елочка никогда не видывала — стояли на ветках. Высоко, на самом верху прикрепили звезду из фольги. Всё это было необыкновенно красиво.

— «Сегодня вечером — говорила веселая хозяйка дома — засияешь ты, зеленая елочка! Какая будет радость детям! "

— «Ах, если бы уже был вечер! — думало дерево; поскорей-бы зажгли свечи! Что-то будет?... Не придут ли деревья из лесу посмотреть на меня? Воробьи наверно прилетят к окнам. Пожалуй, я приросту здесь и буду зиму и лето

стоять разукрашенная. Ах! это было бы недурно, но у меня порядочно разболелась кора от томления, а эта боль для дерева так же мучительна, как для человека головная боль.

Вот наступил вечер: зажгли свечи. Что за великолепие! и елка озарила всю залу своим блеском, и с радости так затрепетала всеми ветками, что одна свечка упала на ковер и порядочно опалила его.

— «Господи, помилуй и спаси нас! Воды! кричала; няня, но хозяйка хладнокровно затушила огонь.

От страху, елка не смела и не могла пошевелинуться: она так боялась потерять что-нибудь из своих украшений. Весь этот блеск ослеплял ее.

Но вот двери растворились настежь, и толпа детей ворвалась в залу; — казалось, что они опрокинут елку. Старшие, важно улыбаясь, шли за ними. Дети сперва остановились перед деревом и онемели от удивления, но это было только на минуту, а потом они зашумели снова, так что в ушах затрещало. Они принялись танцевать кругом елочки, и один подарок за другим срывали с неё.

— «Боже мой! что они делают!» — думала елка. «Что же еще будет?»

Свечи, между тем, догорели до самых веток, после чего их потушили, и детям позволено было обобрать елочку. Тогда они бросились к дереву как лютые звери! От страху дерево как в лихорадке тряслось и трещало. Не будь оно прикреплено верхушкой к потолку, его бы непременно опрокинули.

Дети со своими великолепными игрушками прыгали, шумели и уже не обращали внимания на елку; добрая няня хотя заглянула между веток, — но только затем, чтобы посмотреть, не осталось ли там еще забытой конфетки, ягодки или яблока.

— «Дядя! милый дядя, скажи сказку!» — закричали дети хором и потащили к дереву маленького, толстенького человечка, и посадили его под самую елку.

— «Ну вот мы в зелени», — сказал он, — «и деревцо может извлечь особую пользу из того, что услышит. Я расскажу только одну сказку; которую хотите: про Иведе-Аведе, или про Клумпе-Думпе, которого сбросили с лестницы, а он потом достиг почестей и женился на принцессе?»

— «Иведе-Аведе!» — кричали одни. — «Нет, Клумпе-Думпе!» — перебивали другие; от шуму и крику, елка могла бы сума сойти, если бы у неё были уши; она только думала: «Неужели я останусь в стороне и не приму в этом никакого

участия?». Но ею уже не занимались; она доставила то, что от неё было нужно.

И так, человек принялся рассказывать про «Клумпе-Думпе», которого хотя и сбросили с лестницы, но он достиг почестей и женился на принцессе. Дети хлопали в ладоши и кричали: «рассказывай-же, рассказывай!»...

Елка стояла неподвижная и думала: «птички в лесу никогда не рассказывали ничего подобного».

— «Клумпе-Думпе сбросили с лестницы, а он всё-же женился на принцессе! — да, да! верно так всегда на свете бывает!» — думало дерево, воображая, что всё это правда, когда рассказывал такой милый господин. — «Пожалуй, кто знает? Может, и меня бросят с лестницы и мне достанется принц!» — И дерево простодушно радовалось тому, что завтра будет опять стоять разукрашенное свечами, игрушками, позолоченными орехами и фруктами.

— «Теперь я смела! Я не буду дрожать как в первый раз! — думала елка — Я вполне радуюсь своему великолепию... Завтра я услышу от кругленького человека историю про «Иведе-Аведе»... И тихая, задумчивая елочка простояла всю ночь в ожидании: что будет? Но утром рано в залу пришли лакей с горничной и потащили ее из комнаты прочь... по лестнице, на чердак и там поставили в самом темном углу, куда не проникал солнечный свет.

— «Что это значит? — думала елка — Что я буду здесь делать, что услышу?». И она, приставленная к стене, думала, думала... Проходили дни и ночи; никто не являлся, а если кто приходил, то затем только, чтобы поставить в угол какой-нибудь хлам или ящик, и дерево совсем заставили; казалось, о нем совершенно забыли.

— «Теперь зима на дворе, — думала елка; — земля замерзла и покрыта снегом, а потому люди не могут меня посадить в землю; поэтому я и должна оставаться до весны на этом месте. Как это хорошо придумано! Как люди добры!.. Но зачем они меня поставили в темноту? Здесь ужасно скучно! Сюда не заходит луч солнца, нет даже маленького зайчика, который перепрыгивал через меня, когда я была маленькой, но тогда я не могла переносить этого!.. А, ведь, как было мило в лесу, когда снег лежал кругом, а зайчик скакал мимо меня... Брр!.. Какое здесь страшное одиночество!»

— «Пи, пи!» запищала маленькая мышка, и выбежала из норки, а за ней другая. Они обнюхали елку и проскользнули между её ветками.

— «Фи! как здесь холодно! — сказали маленькие мышки; — впрочем, здесь хорошо! не правда ли, старая елка?»

— «Что? старая? Я вовсе не старая! — сказала елка. — много есть елей несравненно старше меня».

— «Откуда ты? — спрашивали мышки: — Что ты знаешь? (мышки очень любопытны). Пожалуйста, расскажи нам про самое лучшее место на земле! Была ли ты в амбаре, где лежат мешки с крупой? Была ли ты в чулане, где сыр лежит на полках, а на потолке висит ветчина? Там можно прыгать по сальным свечам; взойдешь туда худым, а выйдешь толстым.»

— «Нет, не была—сказала елка, — но я знаю лес: там светит солнце и птицы поют!» И она рассказала им про свою молодость. Мышки, выслушав рассказ елки, признались, что они никогда ничего такого не слыхали. — «Ах, как ты много видела! Как ты была счастлива!» — сказали мышки.

— «Да, в самом деле, это были веселые времена для меня!» И елка рассказала о кануне Рождества, когда она была разукрашена свечами и разными лакомствами.

— «О! — пропищали маленькие мышки: — как же ты была счастлива, старая елка»!

«Я вовсе не стара! — возразила елка; меня недавно люди взяли из лесу, и поэтому рост мой остановился.»

— «Как ты хорошо рассказываешь!» сказали мышки. И в следующую ночь они привели с собою еще четырех мышенят, которым тоже хотелось послушать елку. Чем больше елка рассказывала, тем яснее припоминалось ей прошедшее, и она думала: «То было вполне счастливое время!... Но оно может прийти опять; Клумпе-Думпе был сброшен с лестницы, а всё-таки женился на принцессе.» При этом елка вспомнила о хорошеньком дубке, что рос там, в лесу; он был для неё действительно прекрасным принцем.

— «Кто это Клумпе-Думпе?» — спросили маленькие мышки. Елка рассказала им всю сказку; она ее помнила до последнего слова; а мышки были так довольны, что от радости прыгали до самой верхушки дерева.

В следующую ночь пришло еще больше мышей, а в Воскресенье пришли даже две крысы; но те нашли, что сказка нехороша, это смутило маленьких мышек: и они сами стали менее дорожить сказкой.

— «Это очень жалкая сказка! — сказали крысы; не знаете ли вы какой-нибудь были про сальные свечи и сало?.. Какой-нибудь буфетной истории?»

— «Нет, не знаю!» — отвечало дерево.

— «Так вы знаете только одну эту сказку?»

— «Только эту, — отвечала елка; — я слышала ее в самый счастливый вечер моей жизни; тогда я не понимала, как я была счастлива!»

— «Ну, так прощайте!» — сказали крысы и воротились в подвал к своим.

Маленькие мышки тоже ушли, и елка грустно вздохнула при мысли: «И мышки меня оставили; а ведь как было мило, когда эти проворные зверки садились вокруг меня и слушали мои рассказы!.. Теперь и это минуло!.. Ну полно грустить» — утешала себя бедная елочка: «Теперь стану думать о той минуте, когда меня унесут отсюда».

Была уже весна на дворе, когда одним утром пришли люди и принялись убирать чердак; они отодвинули ящики, вытащили елку и бросили ее очень небрежно на пол; один из прислуги потащил ее по лестнице, куда проникал дневной свет.

«Ну, вот, опять начинается жизнь — подумала елка, почувствовав свежий воздух и увидав солнечные лучи. Ее вынесли на двор. Всё это случилось так быстро, что деревцо не могло опомниться; кругом было на что посмотреть: двор примыкал к садику; там всё цвело; свежие пахучие розы глядели сквозь маленькую решетку; цвели яблони, и ласточки летали кругом:

«квирре-фирре-фит!» — раздавалось в воздухе.

— «Вот я начинаю опять жить!» — радовалась елка и хотела широко протянуть свои ветки; но увы! они уже высохли и пожелтели, и сама она лежала в углу, среди крапивы и сорной травы. Только золотая звезда на верхушке её сверкала еще на ярком солнце. На дворе резвились знакомые ей мальчики, которые плясали вокруг её на Рождестве, и как тогда они радовались ею, а теперь!... Вот, один из них подбежал к ней, уперся в нее ногою и оторвал последнее украшение: золотую звезду.

— «Посмотрите, что еще осталось на старой дрянной елке!» — вскричал он, причем так наступил на её ветки, что они затрещали. Елочка посмотрела на цветущий сад и на себя, и ей опять захотелось стоять в темном углу на чердаке, где маленькие мышки так весело слушали сказку про Клумпе-Думпе.

— «Прошло! Всё прошло!» — подумало деревцо. Ему вспомнилась его свежая молодость в лесу и веселый Рождественский вечер. — «Ах, если бы я тогда умела радоваться, но увы, всё прошло!...» Тут пришел дворник с топором, положил деревцо на пень и изрубил его в куски, потом сложил в связку и унес в пивоварню.

Ярко запылала елка под большим пивоварным котлом; она глубоко вздыхала, и каждый вздох её был маленький выстрел; дети, услышав этот треск, прибежали, уселись перед печкой и радовались, как елочка горела и трещала: «пиф! пиф!.. паф! паф!..»

Потом дети побежали в сад поиграть в солдатики; на груди у самого младшего из них блестела та самая звезда, что была на елке в самый счастливейший вечер её жизни.